

16+

Леонид Бабанский

Повесть о Пустом Постаменте

Леонид Бабанский
Повесть о Пустом Постаменте

«ЛитРес: Самиздат»

1974

Бабанский Л.

Повесть о Пустом Постаменте / Л. Бабанский — «ЛитРес:
Самиздат», 1974

ISBN 978-5-532-03385-6

Когда жизнь твоя протекает в эпоху оттепели, не удивляйся, если вдруг почувствуешь себя одиноким.

ISBN 978-5-532-03385-6

© Бабанский Л., 1974
© ЛитРес: Самиздат, 1974

Содержание

Повесть о Пустом Постаменте	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Повесть о Пустом Постаменте

Опубликована в альманахе «АЛТАЙ», г. Барнаул, Алтайское книжное издательство, 1991г, № 2, 6500 экз., под названием «СОЛО НА ВЫХЛОПНОЙ ТРУБЕ»

На высоком глинистом обском берегу со времён Акинфия Демидова, сына Никиты – Петрова царедворца – стоит большой сибирский город. Неплохо стоит, и выглядит вполне прилично, да только вот беда – от большой любви к юному в ту пору, однако же блистательному Санкт-Петербургу, упомянутый Акинфий Демидович укреплял речной берег, находящийся по царским традициям в полном его ведении, не столько гранитными набережными, сколько отвалами да помойками, чем основал историческую традицию, в полной мере сохранившуюся до наших дней. Надо полагать, что если когда-нибудь археологи преодолеют естественное отвращение к более современным напластованиям выгребного мусора, тогда в их руки, вне всякого сомнения, разом попадут и бывший в употреблении петровский штоф, конечно, если хорошо поковыряться, и множество разной другой посуды разной степени целостности – и ноль-пять, и ноль-семь, и ноль-восемь – ибо много всякой жидкости утекло здесь со времени первых поселений. Но что ещё интересного найдёт пыливый исследователь в этих, с виду чересчур даже роскошных, культурных слоях? Вы полагаете, древние свитки и пергаменты? Рыцарские доспехи и дорогое оружие? Мраморные статуи хоть бы с отбитыми носами и конечностями? Или какие-либо иные подтверждения высокого уровня здешней цивилизации?

Нет, вряд ли. Никому нет большого смысла заглядывать внутрь многочисленных разноцветных языков праха и хлама, мирно текущих к подножию древних берегов бабушки-реки Оби. Ибо что там, внутри? Пожалуй что, одни лишь Их Превосходительства Гордыня, Скудость и Горе.

Надо всей этой красотой, на самом краю обрыва, в самом-самом начале космической эры, лежал на животе Лёха Вознесенский, студент, а рядом с ним стоял на подножке его почти новый, сильно блестящий в соответствии с текущей модой некоторыми никелированными частями, боевой мотороллер «Вятские поляны».

Алексей изучал медицину, по какой причине, вообще, ему было о чём подумать.

Будучи ребёнком семи-восьми лет, он простыл и заболел так, что чуть не умер, хоть осознать это мог только теперь. Тогда его жестоко мучила одышка, как старику ломало кости, и никакие лекарства не помогали. Мать плакала да приводила в дом одного врача за другим; отец только молчал. Он привык к молчанию ещё с войны, когда руководил небольшой, но сплочённой группой солдат, состоящих в организации "Смерть шпионам". По окончании войны отец, имеющий столь безупречное прошлое, быстро пришёл к власти – был назначен заведующим отделом строительства краевого исполнительного комитета. Начались тревожные дни возведения собственного загородного дома, повлёкшие за собой длинную цепь всяких неурядиц. Сначала куда-то запропастились облигации, что резко осложнило внутрисемейные отношения, а потом, почти без всякого временного промежутка, партконтроль заинтересовался происхождением строительных материалов. Ценой напряжения всех душевных и умственных сил батяне удалось сохранить и партбилет, и должность, и загородный домик, но здоровье сына слишком долгое время оставалось вне пределов его компетенции. Мать днём была на работе, вечером в техникуме, одна только бабка с материнской стороны, осознавая за собой как вину, так и ответственность, дённо и ночью молила Господа о здоровье внука.

И вдруг болезнь отступила. Бесследно. Чуть ли не сама собой.

Впрочем, город издавна славился чудесами.

Ещё недоброй памяти первый же генерал берг-директориум Их Высокоблагородие господин Сперанский, мелкий авантюрист времён Ползунова, из ревности замуровал в подвале своего роскошного особняка, где, кстати, впоследствии и расположился упомянутый крайиспол-

ком, молодую жену Юлию, которая в дальнейшем чудесным образом являлась многим людям, в том числе ответственным работникам, в образе некоей призрачной Голубой Дамы. Тому свидетельством является одноименная оперетта местных авторов, целиком построенная на документальном материале. Но были и другие факты, подтверждающие существование призрака. Крайисполком, например, частенько испытывал серьёзные затруднения в своей деятельности. То происходила путаница в документах по распределению жилья, то бесследно пропал паровой котёл размером в три железнодорожных состава, то сгорал шинный завод семь раз за четыре года. Каково было крайисполкому, в частности, отделу строительства, когда злые языки поговаривали, что вновь построенный завод своим существованием причинил стране убыток в пятнадцать миллионов рублей (по равному курсу с долларом), когда его строительство обошлось всего в одиннадцать таких же миллионов.

Благодаря несанкционированной деятельности Призрака, кругом царил до жути стабильная непруха – не везло почти никому и почти ни в чём. Разве что, удачники старались не высовываться... Но вот и Алёхе на днях не повезло: на полном ходу перевернулся через разбитый канализационный люк, отчего сам исцарапался, помял кое-где машину, а почти новые брюки превратил в доселе невиданные кружева. Последнее обстоятельство угнетало Лёшку более всего. В голову лезли всякие печальные мысли о какой-то наперёд заданной ненадёжности окружающего мира и всего в нём происходящего. Вот, например, хоть бы взять их квартиру: в эпоху тотального распределения всех благ, за исключением только воздуха, порядочное жильё досталось Лешкиным родителям каким-то невероятным чудом. Можно сказать, система дала сбой. Квартиру дали матери как временную, до возвращения из оккупационных войск законного владельца. Временно живущие три года вздрагивали от любого случайного стука в дверь, пока однажды на пороге не появился здоровенный полковник, по пояс увешанный боевыми наградами.

– Здорово были, хозяйева! – загремел он с порога. – Кто, кто в моём теремочке живёт?

– Вот мы живём... – ответствовала мать сквозь готовые слёзы. – Без ордера и без прописки. До вашего прибытия. Куда прикажете идти?

– Искать жильё, я полагаю, больше вам идти совершенно некуда. – чеканил полковник. – Слезами горю не поможешь. Чтобы квартиру освободили в течение недели. Я райвоенком, чтоб вы знали, мне по конторам бегать некогда. Вопросы есть?

– Нет, какие вопросы... Спасибо, добрый человек, что хоть время дал собраться. – крестилась бабушка. – Дай тебе Бог здоровья...

Всё было совершенно ясно, когда вдруг полковник отчего-то решил взять их всех на карандаш.

– Доложите поименно, кто здесь пребывает. Мужики есть?

– У неё муж демобилизованный, а на моего вот похоронка... – бормотала бабушка. – Под Ленинградом...

– Понял я, понял! – отчего-то сердился полковник. – Под Ленинградом, так под Ленинградом! Дело понятное, как Божий день. А ваш, гражданка, муж что из себя представляет?

– Прошёл всю войну, закончил в звании старшего лейтенанта. Командовал группой «Смерш». Сейчас служит в КГБ, заочно учится на строительном факультете. Он на дежурстве. Вызвать?

Полковник отчего-то сразу впал в задумчивость. Походил по квартире, позвенел медалями. Что-то взвесил. Потом произнёс:

– Ага... Значит, дело такое... По всему выходит, не вы должны квартиру искать, это я должен. Ладно, чёрт с ней. Тем более, первый этаж... Как-нибудь обойдусь. Будем считать, вы у меня обеспечены. Живите пока. Здравия желаю.

Вот так. Надо ещё сказать, что в те годы отдельная квартира считалась чуть ли не противоестественным явлением. Напротив, ютиться семьями в полуподвалах было делом совсем

обычным. Их дом принадлежал меланжевому комбинату, как и весь микрорайон. А меланжисты, всего их было тысяч тридцать, стояли насмерть за каждый квадратный сантиметр коммунальной жилой площади, и вообще по природе своей были горласты и щепетильны. Лёшкины родители несколько лет вынужденно скрывали своё обособленное положение. Дабы избежать конфликта с общественностью, маскировали квартиру под коммуналку: даже пригласили для совместного проживания тётю Фросю, чужую бабушку, совершенно одинокую и лишённую собственного угла. Муж тёти Фроси был расстрелян ещё до войны, сын – на войне, а жилья не было то ли по причине ссылки, то ли эвакуации. Вот и жила старая женщина у разных людей, рассчитываясь за кров шитьём и разными домашними услугами. Лёшка вырос на её глазах до вполне сознательного пятилетнего возраста, но кроме слова "спасибо" ничего другого от неё так и не услышал. Будто бы другие слова представляли для неё недостойный внимания звук. С её молчаливого согласия Лёшка часто и с большим увлечением вертел во время шитья ручку швейной машинки – так, вдвоём, они потихоньку сшили ему из куска материи защитного цвета настоящий китель сталинского покроя с хлястиком и обшлагами. Семья благоденствовала, жизнь, вроде, налаживалась, даже дворовые разговоры на тему, что в 25-ой квартире проживают вовсе не меланжисты, а неизвестно какой сброд, пошли на убыль.

Однажды пришли рабочие и сломали в большой комнате круглую чёрную печь с жестяным дымоходом, протянутым через всю квартиру. Из ванной выкинули дровяной запас, отчего она превратилась в пустую кафельную комнату. Пусть в душевой сетке за отсутствием горячей воды отчётливо свистел ветер, перемены к лучшему были вполне ощутимы.

Магазины в те дни стояли тихо и солидно, почти без покупателей, зато в витринах гастрономических отделов крабы составляли обязательный элемент оформления – огромные, пучеглазые, дико шевелящие конечностями или вертящиеся вокруг собственной оси. Во дворах испилили последние брёвна, отчего прекратились споры и драки по поводу их принадлежности. Наступила эра регулярного центрального отопления. Короче, только послевоенная жизнь немного стабилизировалась, как на весь советский народ обрушилось новое великое горе: не на шутку расхворался великий его друг и генералиссимус дорогой товарищ Сталин.

Лёшка слышал это имя только по радио, ибо газеты читать ещё не умел, а в разговорах Сталина даже не упоминали. И получилось так, что все то молчали, а то вдруг разом обеспокоились. Лёшку удивила такая перемена в людях. О сталинской болезни говорили подолгу и с большой заботой. Да и о самом вожде чего только не наслушался Лёшка в те достопамятные дни – он и друг, и учитель, и гениальный, и дальновидный, и выдающийся... И оборону организовал, и войну выиграл, и страну из разрухи поднял – всё в одиночку. Говорили прочувствованно и осознанно, словно старались убедить самих себя. Мать приходила домой с красными глазами, отец с порога шёл к чёрному бумажному громкоговорителю и на всю мощность вывинчивал его шурупчик. Потом долго расхаживал из угла в угол по большой комнате, благо там без чёрной печки образовался настоящий плац-парад. Одна тётя Фрося занималась своей работой и не уделяла происходящему ни малейшего внимания. Только когда родители замерли у репродуктора, охваченные ужасом, будто старея с каждым дикторским словом, тётя Фрося вдруг заговорила.

– Лопнул, клоп! – произнесла она громко, даже как-то по-молодому. – Напился крови... И поделом. Туда ему и дорога.

Что тут поднялось!

Сперва на тётю Фросю кричал отец, а мать выдворяла Лёшку из комнаты. Потом сквозь слёзы что-то кричала мать, а Лёшку гнал из комнаты уже отец. Тётя Фрося тут же собралась и ушла, поклонилась всем на пороге и сказала обычное своё «спасибо». Лёшке родители объяснили, что она будет теперь жить у других людей, которые более в ней нуждаются. Но, похоже, родителям с уходом из жизни их любимого начальника стало не так страшно жить отдельно,

будто домыслы трудящихся на эту тему потеряли для них какую-то пугающую значимость. Жить сразу стало проще. Даже веселее.

Но надо сказать, что ещё до Лёшкиного появления на свет, совсем недалеко от их дома, на территории бывшего кладбища, весёлые меланжисты нахально соорудили собственный парк культуры и отдыха. Проще говоря, обнесли дощатым забором берёзовую рощу и собор, стоящий там чуть ли не со времён Демидова. Грунт с костями предков спустили с обского берега, в результате какого земельного переустройства на окраине рощи образовался котлован, куда до краёв напустили воду. Образовался пруд. Однако, поскольку предки время от времени ещё всплывали в виде костей и гробовых принадлежностей, воды пруда однажды раз и навсегда сплывили в ту же реку, отчего два крепких цельносварных моста с добротными настилами застыли над теперь уже неизвестно чьей, опустошённой и заболоченной братской могилой.

Как бы во исправление содеянного, в бывшем кладбищенском соборе организовали светильник разума – бестелескоповый планетарий, насыпали на дорожки, протоптанные многими похоронными процессиями речной гравий, наставили вдоль них пивных киосков. Но самое главное – надо всем этим делом оперативно воздвигли гигантскую статую в шинели и военной фуражке, которая по грудь вознеслась над самыми высокими тополями, не говоря уж о берёзах, осеняя простёртой рукой как парковое благолепие, так и всё дальнейшее пространство. Композиция "постамент – фуражка" была столь тонко продумана в смысле местоположения, что её не заметить было совершенно невозможно. Колосс, раздвигая верхушки деревьев, словно колосья ржи, будто шёл вслед за каждым, наподобие Ван-Гоговского Жнеца. Его присутствие обязаны были ощущать все, всегда, душой и телом.

Но вдруг статуя исчезла! Без шума, без грохота, без цунами на Оби! Без разлива канализации, без атмосферных и сейсмических явлений, вообще, без подобающих волнений и катаклизмов. И никто ничего такого особенного не заметил! Лёшке казалось, он один до жути потрясён видом осиротевшей рощи, над которой теперь безраздельно воцарился бродяга и свистун обской ветер.

Однажды Алёшка улучил момент и побежал взглянуть на То Место. Путь был недалог. Стоило только выйти на улицу Профинтерна, как уже в её конце показалась восьминогая парадная арка. Детей родители в парк не отпускали – за ним закрепилась дурная слава после первого же народного гулянья. Как правило, выходные вечера там завершались почти обязательной поножовщиной с милицейскими свистками, а то и выстрелами. Но в рабочее время парк стоял пуст и задумчив. Только голуби, разбуженные звуком Лёшкиных шагов, зашевелились на засиженных ими же арочных капителях, слетели наземь и рассмотрели его со всех сторон.

Согласно отцову компасу, главная аллея шла строго на северо-запад. Следуя вдоль центрального газона, обнесённого невысокой оградкой гнutoго железного прута, стерегущего полосу пыльных георгин, Алексей приблизился к огромному, теперь уже Чьему-То Пустому Постаменту и стал как вкопанный – до такой степени поразил его облик мощного, неожиданно опустевшего сооружения, нарочно предназначенного веками подпирать кого-то или что-то, во всяком случае, чью-то жизнь, полную великих идей и в точности таких же деяний. А теперь ломай голову, кто там был, наверху! Ведь был же, был, ещё совсем недавно! Превыше всех деревьев и людей стоял Жнец, вооружённый серпом и молотом, вместо которого теперь зияет вопиющая пустота. Даже буквы сорваны, дырки от гвоздей заштукатурены и покрашены серенькой краской. Нет Его – лишь чернеет на жидковатом асфальте вмятина от железобетонного лба любимого всеми не так ещё давно генералиссимуса и человека.

«Лопнул, клоп! – прозвучало совсем рядом, весело и звонко. – Лопнул, клоп! Насосался крови...»

А вдруг нет? Постамент-то цел, как новенький... Специально сохранили? Или для другого берегут? Ведь всё, наверняка, как-то продумано...

Лёжа на обском берегу рядом со своим самодвижущимся агрегатом, после сессии выжатый и опустошённый, Лёшка-студент вспоминал Лёшку-ребёнка, и всё детство представлялось ему единым шумным, скорее чёрно-белым днём.

Судя по зачётной книжке, Лёшка теперь знал много. Даже слишком. Вот он и приехал к своей реке, чтобы выплыть из моря нужной и ненужной информации, чтобы среди справочных данных, теоретических рассуждений, среди всей этой рафинированной грамотности не потерять самого себя. И сегодня, с высоты той многоумной горы, на которую ему удалось вскарабкаться с разрешения декана та, именно сегодня он с полным правом мог заявить самому себе и кому угодно, что нет всё-таки удивительнее факта и поразительнее открытия, чем факт открытия Пустого Постаamenta.

Кто на него теперь пытается залезть? Ну, кроме Брежнева. Они, между прочим, с ребятишками влезали. По растущей вблизи берёзе. По ветке, которая склонялась сама и аккуратно устанавливала каждого желающего в самом центре этого сооружения. И почему нельзя пристроить лестницу? Или ОН до сих пор стоит там, только никому не видимый? Или возвращается ночами, подобно Командору, на своё законное место?

По здравом рассуждении следовало бы признать, что Его Постамент пока остаётся пуст. Пуст потому, что занят. Там никого нет, потому что там Партия.

Отец, наверное, так не думал. Или думал о другом.

На Новый год отец притащил в дом пушистую ёлку. Впервые за Лёшкину жизнь. Лёшка и не знал тогда ещё, что так делается. Дерево вначале долго и надёжно укрепляли внутри перевернутого табурета, который потом аккуратно замотали тряпками и ватой. Из потаённого угла мать вынула на свет картонку с ёлочными украшениями довоенного и отчасти дореволюционного происхождения. В комнате замерцали сказочные огни. Но стоило Лёшке протянуть руку к этому богатству, как его тут же пригвоздили к месту.

– Стой, гаркнул отец, – коню хвост оторвал, и это всё переломашь. Без тебя управимся. Смотри издали! Имей в виду – для тебя делаем!

Лёшка в компании с бесхвостым конём весь вечер наблюдал, с каким увлечением родители передают друг другу и укрепляют на ветвях доселе неведомые, невесомые игрушки. От огорчения, что ему не позволили участвовать в таком прекрасном деле и в знак протеста он лёг спать раньше обычного. В общем, ему стало понятно, что это была ёлка для двоих. И теперь он был уверен – не стоит рубить в лесу деревья, потом тащить их в дом ради того, чтобы кто-то заново пережил свои детские впечатления.

Отец благоденствовал. В те дни он завёл сталинского подобия усы и выработал жёсткую, допросную форму общения. Для Лёшки образы ушедшего чужого дяденьки и вполне реального отца стали сливаться воедино. Гибрид удался. Лёшка обычно вздрагивал, когда тятка требовал его к себе. А требовать он любил. Ещё он мог сказать, например: «Вон, подай-ка...» Это был приказ на сообразительность. Отец любил, когда окружающие читали его мысли либо, по крайней мере, точно их угадывали. Возмездие за бестолковость следовало неотвратимо в виде, как правило, чувствительного подзатыльника. До поры до времени мать с бабушкой целиком и полностью поддерживали в доме сильное мужское начало, пока оно однажды не накопилось ими самим в полной мере за факт сокрытия ценных бумаг.

Это самое начало существовало в их доме ещё несколько долгих лет, на протяжении которых батяня старательно облакал недолгие моменты общения с сыном в форму следственного разбирательства. На воспитательных допросах он полюбил демонстрировать собою пресветлый образ другого царя – Петра Первого – то ли потому, что сам был Пётр, то ли потому, что упомянутый образ отец исследовал более всего на материале одноимённого романа. Во всяком случае, его педагогика строилась довольно однообразно. Пока Лёшка вживался в роль Царевича, из комнаты в жёсткой форме удалялись женщины, ибо на Руси так заведено спокон века, что вблизи следственного таинства никаких адвокатов не должно быть и запаха. Затем Пётр

Иванович утверждался за столом в позе того самого замечательного монарха, а сына устанавливал на расстоянии вытянутой руки. Потом следовал какой-либо вопрос, требующий обстоятельного объяснения. Но в самом деле ход следствия на этом этапе никаких объяснений не предполагал. Следствие предусматривало наказание само по себе. Вопрос обычно дублировался самым драматическим тоном и сопровождался полновесным ударом вдоль спины особо злым тонким брючным ремнём. Удар обычно также дублировался. При этом если не орать и стоять смиренно, экзекуция прекращалась одновременно с разбором дела. В противном случае тот же вопрос мог повториться даже до четырёх раз, хотя второй любимой книгой отца был томик избранных произведений Макаренко. Когда Алексей разобрал одну-две статейки с изложением самых передовых по тому времени педагогических рекомендаций, он не впервой уже подивился тому, как его родитель, фронтовик и партиец, читает одно, говорит немного другое, а поступает уже совсем невообразимо как. Иногда ему казалось, что отец вот-вот закончит этот затянувшийся спектакль, но напрасно – отец обожал драматически-суровую следственную обстановку, по какой причине являл собой большого мастера по сгущению краски и закручиванию гайки, ради чего, по-видимому, и явился на этот свет.

По соседству с Лёшкиным домом располагалась библиотека, но в представленных изданиях не было даже намёка на ответы по некоторым волнующим юного гражданина проблемам. Почему все люди постоянно чего-то недоговаривают?

Почему побаиваются друг друга, а все вместе недолюбливают милицию – хотя должно было бы дело обстоять наоборот... Почему его папа считает, что на людях можно иметь одно человеческое лицо, а дома совсем другое? Почему есть для разговора запретные темы? Тайны оставались тайнами.

Время шло – на смену траурному репродуктору явился пластиковый обтекаемый динамик и тут же начал восторженно трепаться о неминуемых в скором времени грандиозных победах в политике и экономике. Занимался чуть ли не ренессанс – на дворе наступала шумная эпоха Хрущёва-Солженицина. Время можно было назвать весёлым: непоседливая личность руководителя, всерьёз карабкающегося на самый высокий Постамент, ежечасно порождала по нескольку изысканнейших анекдотов, если, конечно, иметь в виду всю территорию страны. Народ просто помирал со смеху, не замечая ни нищеты, ни неустроенности. Неясно было вообще, что может выйти за рамки всенародного терпения. Никитка, в подражание Учителю, карал то художников, то поэтов, то Соединённые Штаты Америки, с любой трибуны усиленно изображая Тиранозавра, а русский народ, казалось, как и прочие народы Советского Союза, руководимые с виду простой рабочей партией, постоянно был готов выдать Вождю по первому требованию некоторый процент своего населения. Интересно, знают ли вожди, особенно великие, этот процент или постоянно в поте лиц своих пытаются определить его – никто не знал. Но, несомненно, без неутолимой жажды точно реализовать эту цифру Он не стал бы истинно Великим.

Так чего ждать? Как скоро вновь начнётся поиск внутреннего супостата? Единственная партия – это всегда ненависть или не всегда? Стоило бы, конечно, максимум внимания уделить институтским наукам, но голова работала в том направлении, в котором наблюдалось наибольшее количество пробелов.

Чудные дела воцарились на белом свете. При дорогом Никите Сергеевиче научный марксизм отошёл в область эстрадной песни, в быту сохранился только марксизм партийно-деловой, то есть, буднично необходимый. Как-то само-собой коммунисты – не старики, не дети, не инвалиды, даже не женщины – стали лучшей частью населения. Иные из них исхитрились выстроить себе подлинный коммунизм и в полной мере выпить чашу его материальных благ. Жестокость и безразличие склонны были к самовоспроизводству и распространению.

Окончивши стройфак, батяня перешёл в начальство – наиболее ценную часть населения. Во двор к ним зачастил представительский «ЗИМ». С приходом отца к власти городские дела

быстро двинулись в гору. На Ленинском проспекте в окружении елей и пихт вознеслось лучшее городское строение – крайком партии. Им, в самом деле, можно было залюбоваться: торжественно-печальный цокольный этаж, крашенный благородным чёрным, держал на себе ещё три тёмно-малиновых этажа. На фоне этого почти сказочного цвета резко выделялись белейшие колонны с портиком, на котором сиял золотой герб в обрамлении знамён. Нечего и говорить о том, что внутри этого великолепия сидели лица, благороднейшие из благородных и сеяли окрест себя разумное, доброе и вечное.

Лёшкин отец в заботе о больших архитектурных формах не забывал и о малых. Закипело строительство на небольшом, приобретённом папой, пригородном участке. Десяток военнослужащих вырыли фундамент, на котором взметнулись белокаменные стены. К середине лета взревел дизелем автокран, укладывая железобетонные перекрытия. Специалисты возвели шиферную крышу, уложили грубые, но добротные полы, застеклили оконные рамы. Дом стал во всей красе на опушке лесопарковой зоны, и последний гвоздь был вбит до первых белых небесных мух.

Однако, этот ударный труд не ускользнул от внимания партконтроля. Отца вызвали на соответствующую комиссию, где задавали ему провокационные вопросы, внимательно читали партийный билет и квитанции на приобретение стройматериалов. Естественно, папа с одному ему присущим блеском вышел из затруднительного положения, сохранив и партийную книжку, и жилищное строение, но какой-то надлом всё-таки произошёл. Он потихоньку продал особнячок, собрал свою огромную трофейную сумку, красного бархата внутри, в которой он с войны привёз много батистовых рубашек, шёлковых пижам и прочих необходимых в быту вещичек, и навсегда исчез, не говоря никому худого слова. Махнул на юг, к Чёрному морю. Решил там встретить старость. Да и ему ли, фронтовику, контрразведчику, чекисту, отмеченному многими правительственными наградами, стоило остерегаться остроты ситуаций, когда приходится начинать всё с нуля? Острые моменты, в принципе, для него не существовали.

По строгости характера партиец Вознесенский впоследствии не баловал сына алиментариями, как и другими разновидностями материального вспомоществования. Книг в доме почти не прибавлялось рядом с теми, что высокомерно оставил отец. Дома установилась горькая тишина. Ничего сталинского больше у них не имелось, кроме нищеты. Отец ушёл в те дни, когда имя Сталина исчезло из обихода, словно никогда никем не произносилось. Словно не стояло нигде серых картузных монументов, не торчало усов, не ходил по комнате из угла в угол папа, руководитель группы «СМЕРШ». Словно не было ни сталинского времени, ни сталинской войны. Вот и отец – был, да вдруг не стало. Никто не крадёт сзади, не заглядывает в тетрадку из-за спины, не кричит, не ругается, не требует зловещим голосом дневник. Свобода выпала как снег летом. Дышать легче, но жить совсем плохо. Тогда Лёшка осознал, что всё-таки любил отца, каким бы тот ни был, и отцов постамент прочно стоит в душе, не забыть его и не уничтожить.

И сравнить с отцом было некого.

Школьные учителя – мужская меньшая половина – совершенно не любили выпить. Англичанину и чертёжнику, наиболее почитаемым, учащиеся частенько помогали добраться после школы до родных подъездов, тем более, что за подобную услугу можно было рассчитывать на полстакана красного вина сегодня и снисхождение на уроке завтра. Оба педагога приходили в школу помятыми, небритыми, защищёнными одним только чувством собственного достоинства.

Чертёжник, чтобы прикрыть своё обычное состояние, обожал использовать трагические паузы совместно с историческими реминисценциями. В начале урока он обычно как бы впадал в некую прострацию, затем изрекал торжественно и горько:

– Михайло Ломоносов...

И, если наступала тишина, продолжал:

– Михайло Ломоносов из Холмогор в Москву пешком ходил, причём, не за тряпками, не за барахлом всяким. А чтобы получить приличное образование. Чего о вас сказать невозможно. Ибо есть ли на земле такие холмогоры, куда бы вы не ушли все до единого, пешком, только бы вас не заставляли там учиться.

Далее речь шла о школе, где обучающимся чуть не насильно включают свет разума и помимо воли учат отличать добро от зла... Так он мог проповедовать пол урока, к всеобщему восторгу. Это было смешно. А вот англичанин был пожестче. Он также любил ставить двойки под руку попавшимся, но общался в другой манере – можно было заслушаться.

– Э-э, дорогой, – говаривал он, – так англичане не выражаются. Так выражаются одни только евреи. Ты здесь какой язык стараешься постичь? Инглиш? Или идиш?.. На инглиш не похоже.

А далее уже совсем по-английски – садись, мол, даю тебе два балла.

Учителей школьники по-своему любили, но на Большой Постамент детской души так что-то никто не поднялся. Вообще, поскольку среди людей более никаких, хоть заваливающих кумиров не намечалось, постольку на Высоком Постаменте стали появляться разные вещи. Даже целые направления поп-культуры.

В те времена журнал "Техника-молодёжи" вёл развёрнутую пропаганду фантастических транспортных средств – дирижабля и мотороллера. И тому, и другому посвящались большие иллюстрированные статьи с весьма утешительными прогнозами. Западный технический дизайн внезапно обрушился на молодые головы. Мотороллеры выглядели на снимках как изысканные статуэтки, пришельцы из неведомого высокоцивилизованного будущего. Причём, дирижаблей как не было, так и нету, а вот мотороллеры в продаже появились. Хоть сделанные по-вятски – с креном направо полтора градуса по инструкции. На деле все три. Но у мальчишек появилась Большая Мечта.

Главное – после отца остался почти пустой гараж со временными деревянными воротами, наполовину состоящими из щелей. Батя со свойственным ему душевным размахом строил и это сооружение не по стандарту, а в расчёте, по-видимому, на автомобиль высшего класса. По той причине домашний хлам занимал там не более пятой части помещения, а под крышей витали запахи и звуки дорожного движения. Гараж для Лёшки, несомненно, являл место романтическое, способствующее перемене всяких настроений на радостное и тревожное предчувствие поездки на транспортном средстве.

На запахе да звуке далеко не уедешь, даже имея правильное настроение. Права получить удалось, несмотря на нововведение: плату в размере четырнадцати рублей за месяц занятий. Курсанты были до глубины души возмущены как чудовищной дороговизной, так и попранием права человека сдать шоферской экзамен на собственный страх и риск. Но деньги выложили все, даже Лёшка, хоть на семейный бюджет такая сумма легла ощутимым бременем. Потом пришлось сдавать ещё по три рубля, чтобы без переэкзаменовки. Первый этап тем не менее был пройден. Зато следующий заставил себя ждать более года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.